

нахъ этихъ союзовъ сознаніе,—сознаніе родства, и не съ членами только своего союза, но со всѣми людьми, сознаніе того, что только окончательное искошеніе зла можетъ быть дѣйствительнымъ избавлениемъ отъ зла, нужно привести къ убѣжденію въ томъ, что спастись мы можемъ только всѣ, и въ случаѣ гибели—*погибнемъ всѣ*: мы или всѣ спасемся или же *если* погибнемъ. При такомъ сознаніи всѣ наши силы, всѣ наши способности будутъ направлены не на то лишь, чтобы расширять наше единство, но главнымъ образомъ на то, чтобы углубить его, чтобы оно было единствомъ по чувству, и тогда мы поймемъ, что правовое общество есть совершенная противоположность истинному единству, что право не объединяетъ, а возстановляетъ другъ противъ друга. Когда цѣлью будетъ поставлено всеобщее спасеніе отъ зла, тогда всѣ дѣятельности рода человѣческаго объединяются въ этомъ одномъ лѣлѣ, *въ дѣлѣ всеобщаго спасенія*; тогда мы поймемъ, что и раздѣленіе человѣчества, та чуждость, — которую почти каждый изъ насъ въ настоящее время чувствуетъ въ отношеніи даже самыхъ близкихъ,—принесшія столько зла, были вынуждены необходимостью. («Если пшеничное зерно, падшее въ землю, не умреть, то останется одно; а если умреть, то принесетъ много плода». Иоан. XII, 24). Какъ знаніе *не до конца* часто бываетъ не только не полезно, но и вредно, такъ и объединеніе *не доконца* ставить разныя группы объединяющихся во враждебныя другъ къ другу отношенія. Но какъ же быть,—такихъ первоначальныхъ стадій, какъ знанія, такъ и объединенія избѣгнуть нельзя?! Не значить ли это лишь то, что мы недолжны останавливаться на первоначальныхъ *безсознательныхъ* стадіяхъ ни знанія (науки), ни объединенія, что цѣлью всякой нашеї дѣятельности мы должны поставить *всеобщее спасеніе*, т. е. избавленіе отъ зла не себя только, и не нѣкоторыхъ лишь, а всѣхъ людей безъ всякихъ исключений.—Думаю, что и Л. Н. Толстой, требуя, чтобы всѣ важнѣйшія дѣятельности человѣка, каковыми онъ называетъ религию, любовь, служеніе человѣчества, науку, искусство,—требуя, чтобы все это было *до конца*. *до послѣднихъ выводовъ* *все или ничего*,—имѣть въ виду не полноту этихъ дѣйствій съ самого начала, а лишь то, чтобы всѣ эти дѣятельности имѣли въ виду самую конечную, самую послѣднюю цѣль, которая не можетъ ограничиваться даже избавлениемъ всего рода человѣческаго отъ зла, т. е. чѣмъ-то отрицательнымъ,—конечною цѣлью дѣятельности людей, пришедшихъ въ сознаніе, можетъ быть только—*всеобщее блаженство*. Если тутъ вѣрно выражена мысль Л. Н.ча Толстого, то онъ не можетъ, или вѣрнѣе—не долженъ, противодѣйствовать объединенію, которое совершилъ и совершаетъ народъ русскій, даже и не называющій себя русскимъ, но крестьяниномъ (христіаниномъ) и провославнымъ, ибо въ православномъ христіанствѣ русскій народъ полагаетъ основу, сущность своей жизни, признавая въ немъ, въ православномъ христіанствѣ, именно то, что ведетъ къ спасенію всѣхъ людей, а не одной какой либо части рода человѣческаго... Крестьянствовать, по понятію русскаго народа, значитъ добывать средства, необходимыя для продолженія существованія, жизни, которая и есть наше благо; причемъ средства эти добываются нашими крестьянами не для себя только и добываются изъ земли, а на производи-